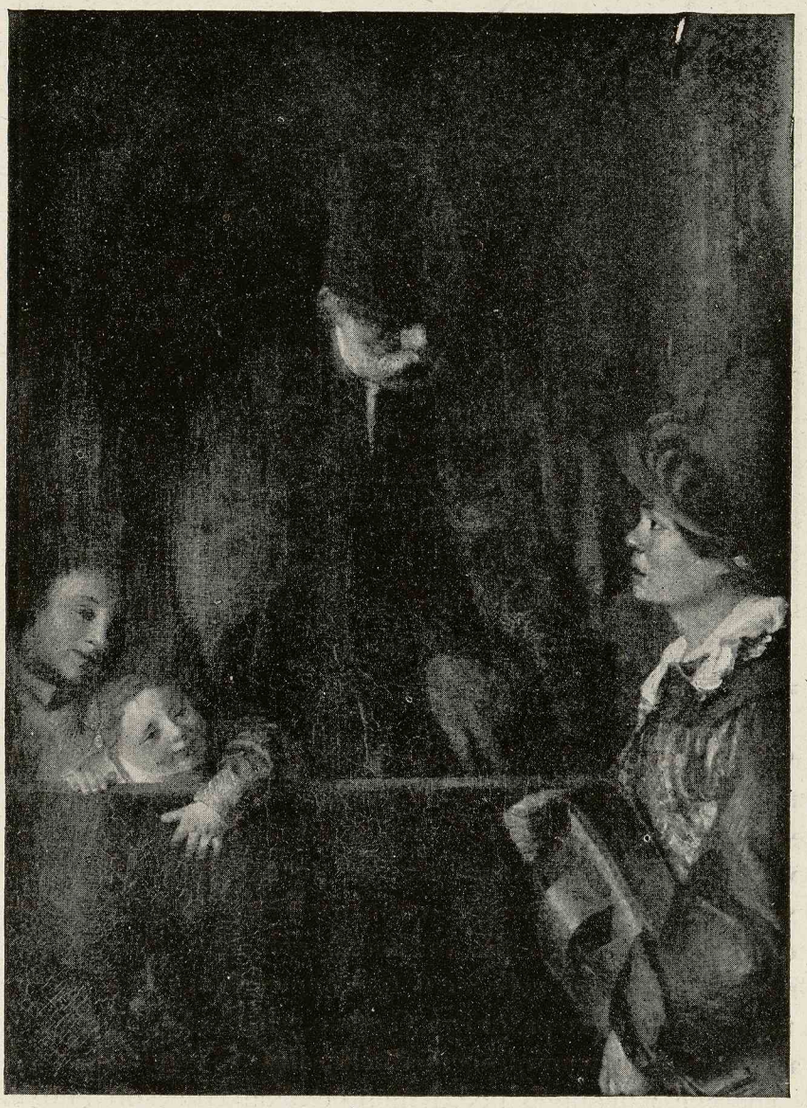
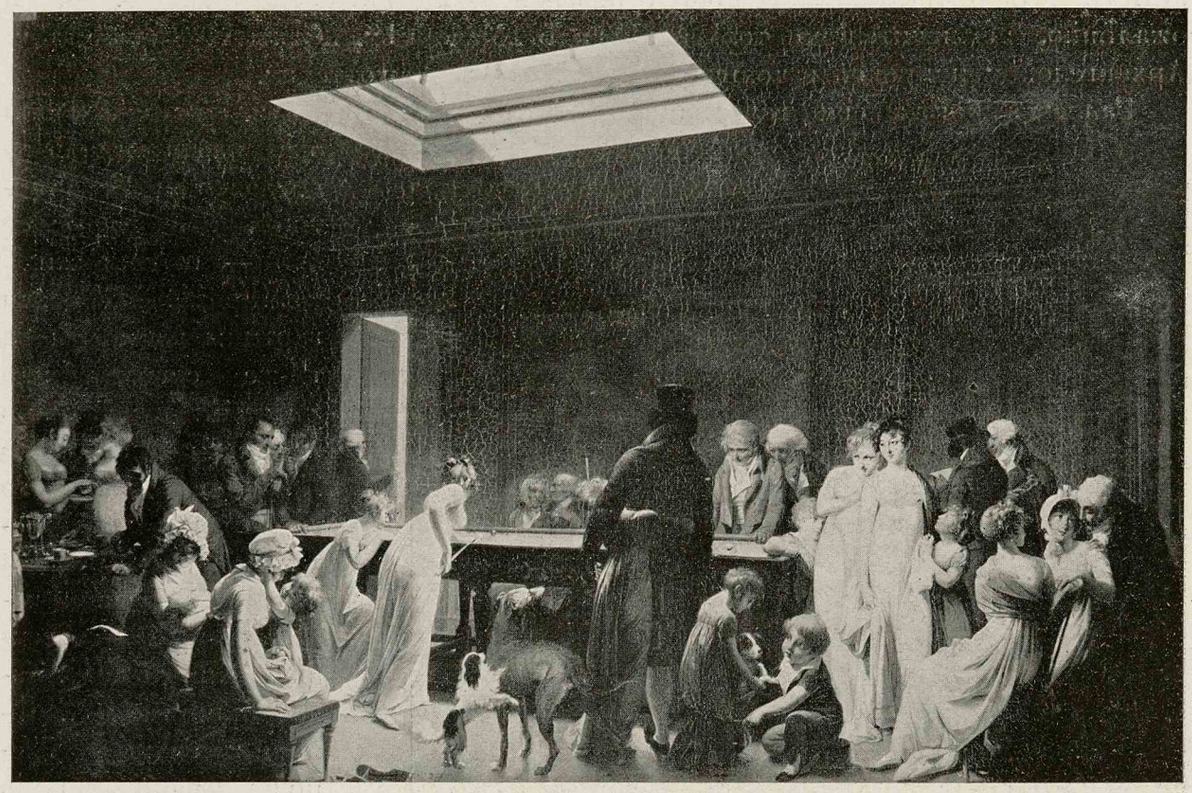
XVII в., хотя и представлены въ Юсуповской коллекціи очень обильно, но, къ сожалѣнію, исключительно только въ видѣ „Мадоннъ“, „Святыхъ Семействъ“, „Архангеловъ“ и прочей католической, іезуитской „биготтери“.

Галлерея богата еще венеціанцами XVIII в. Одного Джанбатиста Тьеполо она насчитываетъ 5 превосходныхъ картинъ, изъ которыхъ двѣ — исполинскихъ размѣровъ. Объ эти картины написаны на тѣ-же сюжеты изъ жизни Клеопатры, какъ и фрески Тьеполо въ Палаццо Лабія и его же картина въ Эрмитажѣ, но трактованы эти излюбленныя мастеромъ тэмы совершенно по новому. Какое пониманіе „зрѣлищъ“ было у Тьеполо; какой размахъ, какое геніальное режиссерское дарованіе. Великая красота, стянутая, положимъ, въ фижмы, напудренная, и раздушенная, царитъ въ его произведеніяхъ.



А. де-Гелдеръ (1645—1727).
Шарманщикъ (галл. кн. Юсуповыхъ въ СПб.).

Великій поэтъ Венеціи, Гварди, представленъ двумя изумительными картинами, изъ которыхъ лучшая воспроизводится нами. Я не знаю мастера, который-бы глубже чувствовалъ сказочную прелесть невѣроятнаго города, чѣмъ безпритязательный Гварди, первый чистокровный импрессіонистъ исторіи живописи. Каждый наскоро, въ лихорадкѣ, положенный имъ мазокъ живетъ, сверкаетъ и поетъ. Любимые мною блестящіе, пышные Антоніо Канале и бернардо белотто, рядомъ со скромными картинками Гварди, кажутся скучными, вялыми фотографами, официальными видописцами.



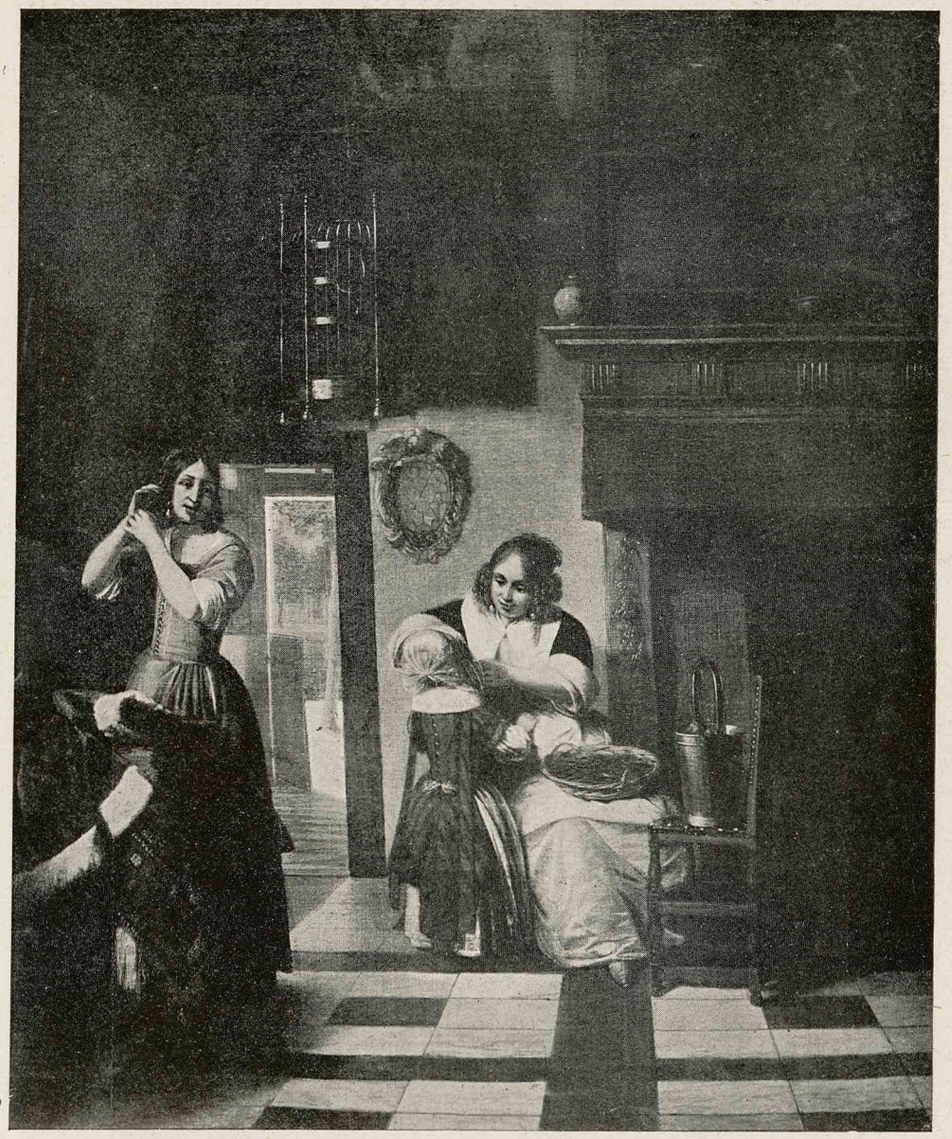
Л. Буальи (1761—1845)
Билліардъ (галл. кн. Юсуповыхъ въ СПб.).

Наравнѣ съ „Клодами“ и портретомъ Лоренцо Лотто лучшими перлами собранія являются два парныхъ портрета Рембрандта послѣдней его манеры: черные и мрачные. Что-то щемящее, даже давящее есть въ этихъ геніальныхъ созданіяхъ. На юбилейной Амстердамской выставкѣ 1898 г. почему-то всѣмъ стало ясно, что оба эти „Юсуповскіе“ Рембрандта относятся къ *высшимъ* словамъ мастера, что они по глубинѣ и значенію превосходятъ даже эффектную „Ronde de Nuit“ и все остальное беззаботное, веселое и блестящее творчество великаго художника во дни, такъ называемаго, его разцвѣта. Однако, что въ сущности притягиваетъ въ этихъ картинахъ — невозможно объяснить словами. Живопись этихъ картинъ изумительна, какъ вообще живопись послѣдней рембрандтовской эпохи: жесткая, крупная, почти что грубая, и геніально упрощенная. Каждый мазокъ однообразной, но удивительно гармоничной краски, имѣетъ значеніе.

Кромѣ этихъ двухъ портретовъ Юсуповская коллекція насчитываетъ 4-хъ „Рембрандтовъ“, но всѣ эти картины, по внимательномъ разсмотрѣніи, не могутъ быть приписаны великому голландскому художнику. Двѣ изъ нихъ, изображающія „Сусанну, преслѣдуемую старцами“, компетентные знатоки прямо приписываютъ послѣдователямъ Рембрандта: Конингу и де-брай; третья, изображающая какого-то старика, подающаго милостыню шарманщику—сильно напоминаетъ

живописью, тономъ и композиціей другого ученика Рембрандта: А. де-Гелдеръ, четвертая-же—маленькій дѣтскій портретъ, будто-бы сына художника, хотя и помѣченный очень четкою подписью, на мой личный взглядъ—только удачная нѣмецкая поддѣлка XVIII вѣка.

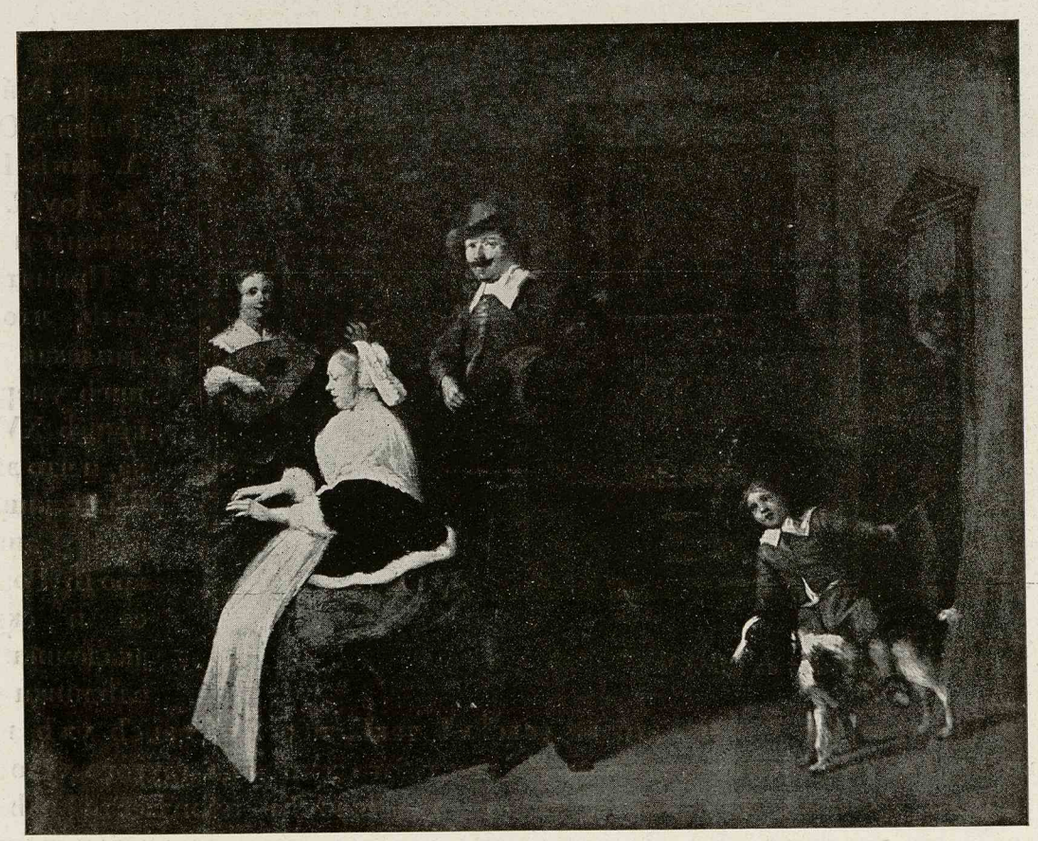
Вообще, голландцы рядомъ съ французами наиболѣе полно представлены въ Юсуповскомъ собраніи. Не достаетъ только Тербурга и Вермеера среди жанристовъ и Гоббемы среди пейзажистовъ. Мало также nature-morte и перспективъ. Зато хорошо представлены Питеръ де-Хоогъ, Питеръ Кодде, А. Кейпъ, Я. М. Моленаръ, Рейсдаль, Гойенъ, Остаде, А. ванъ-Нееръ, Ж. Доу, К. Сафтлевенъ и др.



Питеръ де-Хоогъ (1632—1681).
Сумерки (галл. кн. Юсуповыхъ въ СПб.).

Принято считать, что голландская живопись умерла въ концѣ XVII вѣка, и что затѣмъ были лишь слабые эпигоны вродѣ Горемана и скучные академики — наслѣдники Лерэсса и Вандерверфа. Однако это не совсѣмъ такъ, ибо Горемансъ ужъ не настолько плохъ, чтобъ его считать лишь за слабаго эпигона, а другого художника позднѣйшаго времени, К. Трооста, давно слѣдовало-бы произвести изъ упадочниковъ въ классики. Въ Рейксмузеумѣ хранятся его огромные портреты

Альбертъ Кейпъ (1605—1691). Народныя увеселенія въ Голландіи (галл. кн. Юсуповыхъ въ СПб.).



Я. Моленаръ († 1668). Домашній концертъ (галл. кн. Юсуповыхъ въ СПб.).

Джіованни-Баттиста Тьеполо (1696—1770).
Смерть Дидоны (галл. кн. Юсуповыхъ въ СПб.).

Ж. О. Фрагонаръ (1732—1823).
Поцѣлуй (галл. кн. Юсуповыхъ въ СПб.).

корпораціи докторовъ, которые производятъ необычайно сильное впечатлѣніе: бритые, злые старики въ неимовѣрныхъ парикахъ, въ неимовѣрныхъ золотомъ шитыхъ кафтанахъ и въ бѣлыхъ чулкахъ со зловѣщимъ видомъ толпятся вокругъ трупа, отданнаго имъ на разсѣченіе. Гофманъ, если-бы зналъ Трооста, навѣрное воскликнулъ-бы: „вотъ они, мои излюбленные типы: вотъ, тѣ самые профессора-колдуны, чародѣи-архиваріусы, дьяволыцина, переодѣтая въ филистерское платье, о которой я всегда разсказывалъ". XVIII в. въ картинахъ Трооста представленъ въ иномъ свѣтѣ, нежели въ картинахъ Ватто и Ланкре́. Начинаешь понимать, что вѣкъ, начавшійся не только однѣми пирушками въ Марли, но и кровопролитными гоненіями протестантовъ и похороннымъ доживаніемъ Людовика XIV, могъ окончиться французской революціей, породить Каліостро, Масоновъ и Гофмана. На картинахъ Трооста страшные люди, страшные филистеры, страшные, не знающіе бога ученые.

Все это я наговорилъ нѣсколько некстати. Амстердамскіе Троосты—дѣйствительно таковы, но уютно-простодушная „Гостинница" въ Юсуповской коллекціи ничего подобнаго не содержитъ. Это — простенькая сценка, выхваченная изъ дѣйствительности и очень живая, прелестная по своему желтоватому тону, и въ особенности по изящному, вкусному, нѣсколько мелкому письму.

Фламандцевъ въ Юсуповской коллекціи немного. Одинъ эскизъ къ стѣнной

Ф. Буше (1703—1770).
Геркулесъ и Омфала (галл. кн. Юсуповыхъ въ СПб.).

живописи Рубенса, его-же (пополамъ съ Снейдерсомъ) эффектная, нѣсколько сухая по живописи, „Охота на львовъ“; хорошій, большой, женскій портретъ и одна красивая миѳологическая сцена ванъ-Дейка, огромная аллегорическая картина школы Рубенса (Дикенбека), 2 забавныхъ пасторальныхъ персонажа Теніерса, — вотъ и все.

Галлерея насчитываетъ 3-хъ Веласкезовъ, но изъ нихъ только одинъ воспроизведенный нами портретъ можетъ быть дѣйствительно работы великаго испанскаго художника. Не смотря на нѣсколько необыкновенную для Веласкеза элегантную манерность, этотъ портретъ безъ сомнѣнія его кисти, такъ какъ никто кромѣ него не нашелъ-бы такихъ нѣжно-серебристыхъ тоновъ, никто не владѣлъ такъ изящно и просто, такъ сочно и легко красками и кистью.

Болѣе современные художники гораздо слабѣе представлены, нежели старые. Затрудняюсь что-либо назвать, кромѣ одного хорошаго пейзажа Коро, нѣсколько бонбоньерочной композиціи Изабэ и довольно обыкновенныхъ коровокъ Тройона. Все остальное: бельгійцы, нѣмцы, французы — заурядная, изящная, но сахарная и скучная мелкота. Изъ русскихъ картинъ замѣчателенъ только одинъ видъ зимняго дворца Ѳ. Алексѣева.

Троостъ (1697—1750).
Голландская гостинница (галл. кн. Юсуповыхъ въ СПб.).

Юсуповскій дворецъ, кромѣ картинъ, содержитъ несмѣтныя художественныя богатства, и „Міръ Искусства“ надѣется въ будущемъ не разъ еще черпать матеріалъ изъ этого богатѣйшаго хранилища.

Александръ Бенуа.

Литературный отдѣлъ.

Случай.

Сегодня—случай, вчера—случай, такъ ужъ выходитъ не случай, а законъ.

„Изъ мелькающихъ разговоровъ“.

I.

О „случаѣ“ этомъ было напечатано въ газетахъ. Одинъ „фанатикъ“, размышляя о спасеніи души своей, сжегъ себя живымъ: онъ „изъ борисовскихъ поселянъ Екатеринославскаго уѣзда, старикъ 51 года, Авксентій Даниловъ Бабенко. Вообразивъ себя великимъ грѣшникомъ, Бабенко рѣшилъ искупить свои грѣхи жертвою и для этого рѣшилъ предать самого себя сожженію. Забравшись, по словамъ хроникера, къ себѣ на дворъ, онъ вкопалъ въ землю большой столбъ, обложилъ его со всѣхъ сторонъ сухимъ хворостомъ и соломой, а затѣмъ привязалъ себя къ этому столбу и зажегъ свободной рукою хворостъ. Огонь запылалъ и черезъ нѣсколько минутъ яркое пламя охватило этотъ „жертвенникъ“, на которомъ корчился въ судорогахъ несчастный. Семейство Бабенко, замѣтивъ огонь, выбѣжало на дворъ, но было уже поздно. Веревки, которыми былъ обвязанъ безумный, перегорѣли, а самъ онъ, весь обгорѣлый, съ обугливщимися ногами, лежалъ и жарился въ догорающемъ хворостѣ. Тотчасъ-же была извѣщена полиція. Бабенко былъ отвезенъ въ больницу, гдѣ и скончался въ ужасныхъ мученіяхъ. На вопросы о причинѣ, побудившей его на этотъ ужасный поступокъ, онъ прошепталъ, что хотѣлъ искупить свои большіе грѣхи. Больше онъ не могъ говорить. Бабенко страдалъ, очевидно, помѣшательствомъ на религіозной почвѣ и, какъ почти всегда у насъ въ провинціи, оставался на полной свободѣ“.

Это—мнѣніе и освѣщеніе хроникера, „намъ некогда дальше!“ Но можно задуматься, позволительно задуматься, во слѣдъ „хроникѣ“, и дальше. Вѣдь писали-же чуть не годъ о „Мультановскомъ жертвоприношеніи“ и не находили ни неумѣстнымъ, ни несвоевременнымъ. А тутъ русское дѣло и русская кровь.

Я люблю собирать „случаи“ въ жизни и кой-кто изъ моихъ добрыхъ друзей, зная мою страсть къ коллекціонированію „раритетовъ“, прислалъ года два тому назадъ вырѣзку изъ одной казанской газеты. Въ вырѣзкѣ говорилось объ одномъ, на этотъ разъ образованномъ, молодомъ человѣкѣ, который, вдавшись въ религіозныя размышленія, заснулъ однажды и вотъ въ сонномъ видѣніи ему

явился Іисусъ Христосъ. Объятый необыкновеннымъ восторгомъ, пламенный юноша — все во снѣ — спросилъ: „Господи, что могъ-бы я отдать тебѣ?“ — „Отдай очи“, отвѣтилъ Христосъ. Видѣніе исчезло. Юноша проснулся. Онъ затеплилъ лампаду и наставилъ глазъ на огонь. Глазъ вытекъ. Юноша былъ найденъ окровавленный, но живой и разсказалъ то, что онъ видѣлъ и какъ поступилъ.

Единичное и личное заблужденіе? Но вотъ нѣчто изъ „психологіи толпы“. „Одесскій окружной судъ препроводилъ въ Одесскую духовную семинарію черезъ духовную консисторію вещественныя доказательства и документы, найденные при раскопкахъ въ терновскихъ плавняхъ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣсколько фанатическихъ раскольниковъ были заживо погребены Ѳедоромъ Ковалевымъ и его участницею, инокиней Виталіей. Между этими вещественными доказательствами обращаетъ на себя особенное вниманіе бездна металлическихъ раскольничьихъ иконъ съ изображеніями Іисуса Христа, Божіей Матери и святыхъ. Есть также пятиярусный складной иконостасъ, нѣсколько камилавокъ, мантій и очень много старопечатныхъ книгъ, какъ напр., „Прологъ житія святыхъ“, „Потребникъ“, „Псалтирь съ возслѣдованіемъ“, „Уложеніе царя Алексѣя Михайловича“, много рукописныхъ тетрадокъ духовнаго содержанія, желѣзныя вериги и проч. Нужно замѣтить, что всѣ эти „старопечатныя книги“ стали „старопечатными“ всего двѣсти лѣтъ и были „новопечатными“, новенькими и дѣйственными — шестьсотъ лѣтъ, т. е., въ данной „психологіи толпы“ мы имѣемъ какъ-бы воскресшій или, пожалуй, не окончательно замерзшій духъ шестисотлѣтняго существованія, который покрытъ сравнительно тоненькою пленкою двухсотлѣтнихъ „новшествъ“. Покрытъ ею, но подъ нею не умеръ. У меня лежатъ на столѣ три тома превосходнаго изданія: „Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ“. И вотъ, рѣдкій день нѣтъ-нѣтъ я и разверну страницу 135 выпуска 6-го („Памятники Владиміра, Новгорода и Пскова“), гдѣ на фигурѣ 159 представлены фрески Спасо-Нередицкой церкви, построенной Ярославомъ Мудрымъ и тогда-же расписанной, а въ настоящее время не посѣщаемой и заколоченной за ветхостью. Фрески изображаютъ четыре фигуры и лица: свв. Григорія, Василія, Іеваноса,—четвертое лицо въ книгѣ не названо, я-же самъ не въ силахъ разобрать около него надпись имени. Я не живописецъ. Исторіей археологіи не занимаюсь. Я—романистъ въ сердцѣ и чуть-чуть психологъ. Что-же меня все возвращаетъ и возвращаетъ къ древней живописи? Такого безпросвѣтнаго мрака, невыразимой скорби, такой безпечной силы осужденія... міру, себѣ,—я не читалъ ни въ поэмахъ, ни въ сатирахъ, ни у еврейскихъ пророковъ, какъ на этихъ фрескахъ. Ювеналъ, Тацитъ—сущіе мальчишки передъ этими. Они—тщеславные мальчишки, судившіе міръ и довольные собою, нѣсколько напоминающіе Чацкаго. Дантъ... но и Дантъ очевидно считалъ себя правымъ и свою Беатриче, свою „святую „Беатриче“. У этихъ четырехъ фигуръ нѣтъ прощенныхъ, и глубь скорби прежде всего пала въ ихъ сердце, собственное „я“.—„Всѣ будемъ горѣть, но я первый“. Это неизмѣримо глубже всякаго осужденія, всякаго гнѣва. „Я буду горѣть первый“. Это—паника. Паника заразительна, паника—мистицизмъ. Всѣ испуганы и всѣ бѣжимъ. Чего? кого? Напрасный вопросъ, напрасна надежда услышать отвѣтъ. Но отъ этихъ четырехъ фресокъ есть безспорная и непрерывная нить, какъ до закопавшихся въ Азовскихъ плавняхъ, такъ и до казанскаго юноши.

Вы скажете—„случай живописи“... Ну, послушайте: „случай“ да „случай“, но почему

же мнѣ васъ, возражающаго, принять не за „случай“, и напротивъ тѣхъ—за законъ, но котораго вы, какъ случайное исключеніе, просто не понимаете? Есть Захарьинъ и есть лекаря, лекаришки; конечно, лекаришекъ много, а Захарьинъ—одинъ на много лѣтъ, и на цѣлый вѣкъ 5—6 Захарьиныхъ. Однако, очевидно наука медицины воплощается въ шести вѣковыхъ „Захарьиныхъ“, а вовсе не въ 60 тысячахъ ежегодныхъ докторишекъ. Въ этихъ фрескахъ, въ томъ казанскомъ юношѣ, въ приазовскихъ старовѣрахъ выразились во всякомъ случаѣ нѣкоторые спеціалисты, которые безъ разсѣянія думали о томъ самомъ, о чемъ и мы думаемъ, но разсѣянно, занятые литературою, политикою и проч. У насъ—плевелы; мы—дорога, на которую пало зерно и расклевано птицами, тогда какъ душа тѣхъ есть, очевидно, тучная, рыхлая земля, и мы качество зерна собственно и можемъ наблюдать только на той рыхлой почвѣ, „спеціальной, уготованной“. Знаемъ-ли мы христіанство? понимаемъ-ли его? Вотъ, къ чему я хочу свести эти наблюденія.

II.

Нѣсколько времени тому назадъ вышла, въ теченіе одного года четвертымъ изданіемъ, книжка священника Петрова: „Евангеліе, какъ основа жизни“. Ея первое изданіе произвело на меня впечатлѣніе и я написалъ по ея поводу статью: „Религія, какъ свѣтъ и радость“. Статья кой-кому понравилась, кой-кому не понравилась. Между письмами, мною полученными по поводу ея, было одно замѣчательное изъ Тулы, отъ человѣка, очень углубленнаго и очень страдающаго, котораго я никогда не видѣлъ и знаю только изъ переписки. „Религія свѣта и радости... вы — отрекаетесь отъ христіанства, вы — не знаете христіанства“, вотъ общій смыслъ его пространнаго и убѣдительнаго письма. Нужно замѣтить, что написать статью у меня былъ одинъ личный и вмѣстѣ теоретическій интересъ. Онъ — слѣдующій. Я давно заинтересованъ, отъ какого собственно „сатаны“ долженъ отрекаться младенецъ при крещеніи, то-есть, меня беретъ сомнѣніе не о бытіи сатаны, а о томъ, куда мы должны относить „сатанинское лицо“, въ данную минуту — вопросъ, не только не разъясненный, но, кажется, никогда и не поднимавшійся. Между тѣмъ для всякаго христіанина болѣе чѣмъ понятна необходимость знать конкретно и опредѣленно мѣстопребываніе главнаго и даже единственнаго врага своего, чтобы знать, гдѣ и съ кѣмъ, и какъ бороться. Мы знаемъ „сатану“ слишкомъ обще, какъ „грѣхъ“ и „искушеніе“, но въ данную минуту, то-есть надъ младенцемъ, онъ такъ конкретно называется, что это есть единственный пунктъ, съ котораго мы можемъ начать конкретные, а не обобщенные и слѣдовательно неопредѣленные его поиски. О вопросѣ этомъ я многихъ спрашивалъ, и вотъ, одинъ уже престарѣлый и многоопытный человѣкъ, духовнаго образованія, отвѣтилъ мнѣ: „младенецъ отрекается отъ первороднаго грѣха“. Сейчасъ я ему не нашелся что сказать, но на завтра сказалъ, что первородный грѣхъ снятъ съ человѣка крестною смертью Спасителя, и что въ этомъ весь смыслъ христіанства, о которомъ мы забыли вчера, бесѣдуя съ нимъ. Мы, конечно, „докторишки“, а не Захарьины, и оттого могли забыть такую вещь. Но что, во всякомъ случаѣ, въ данную минуту и въ данномъ таинствѣ называется „сатаною“ не первородный грѣхъ, а что-то другое, объ этомъ не могло быть спора послѣ моего указанія; и, придравшись къ книжкѣ священника Петрова, я написалъ статью съ нѣсколько спеціальною цѣлью доказать, что вотъ уже 1900 лѣтъ какъ первороднаго грѣха не существуетъ, и, слѣдовательно, что особенно мнѣ нужно было

въ моихъ цѣляхъ, младенецъ отрекается при крещеніи, съ именемъ „сатанинскимъ“, не отъ согрѣшенія Адама и Евы, а отъ чего-то другого.

„Прости небо, прости земля, прости солнце, прости луна, простите звѣзды, простите озера, рѣки и горы, простите всѣ стихіи небесныя и земныя...“ (Кельсіевъ— Сборникъ правительственныхъ документовъ о расколѣ, III, 139). Все это прощаніе — пессимизмъ. О, что Шопенгауэръ! какъ и Ювеналъ съ Тацитомъ, онъ со своимъ пессимизмомъ опять же есть мальчишка и щенокъ передъ этимъ міровымъ прощаньемъ нашихъ сектантовъ. „Прощай мать — сыра земля! прощай—міръ“. Да, русскіе мужики глубоко плаваютъ и во всякомъ случаѣ въ вѣрѣ они суть или нерѣдко бываютъ Захарьины. Но я здѣсь не о нихъ говорю, а о томъ, что наши сектанты, отрекшись отъ міра, восклицаютъ нѣчто сливающееся съ отреченіемъ и всякаго младенца, именно: „вотъ — жало сатаны: я вырвалъ тебя изъ себя“. Если такъ, то совершенно очевидно, что младенецъ собственно отрекается отъ родительскаго соединенія, которое его, младенца, произвело на свѣтъ, и отъ родителей своихъ, почему послѣдніе отсылаются въ сторону, въ другую комнату, какъ грѣшники и согрѣшившіе, произведя младенца на свѣтъ. Но если такъ,—продолжалъ я спрашивать въ своемъ смущенномъ умѣ, — то какимъ-же образомъ въ другомъ таинствѣ, бракѣ, этотъ самый актъ называется „святымъ соединеніемъ“. — Даруй имъ (вѣнчающимся) плодъ чрева и святое соединеніе... Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ, отнесеніе „жала сатанинскаго“, „лица сатаны“ къ моменту рожденія и родительства содержитъ въ себѣ, конечно, такія глубины скорби, печали, необходимость такого отрѣшенія отъ міра, что... что фрески новгородской церкви, поступокъ казанскаго юноши, приазовскіе старовѣры получаютъ фундаментъ.

Вотъ, о чемъ священникъ Петровъ могъ-бы написать новую любопытную книжку. Онъ профессоръ богословія въ высшемъ учебномъ заведеніи, ему и „книги въ въ руки“. Мнѣ кажется, и я для этого и пишу настоящую статью, что всѣ мы, занимаясь религіозными вопросами и сочиняя религіозныя книжки и религіозныя статейки — „мелко плаваемъ“ и даже попросту—занимаемся пустяками. Ужъ если мы не знаемъ, есть-ли христіанство міровой пессимизмъ или міровой оптимизмъ, если возможенъ о такой основной вещи споръ, то, конечно, мы ничего не знаемъ въ немъ, не знаемъ его основного смысла, и безъ этого, конечно, не знаемъ вовсе и „пути спасенія“. А если мы не знаемъ, профессора, писатели, что-же намъ спрашивать и за что судить и осуждать... хотя - бы приазовскихъ старовѣровъ. Мы ихъ не научили; но это — съ полъбѣды: мы ихъ не можемъ научить, мы сами не знаемъ, и не знаютъ богословы, профессора, какъ свящ. Петровъ, и вотъ это есть или тутъ начинается полная бѣда.

III.

Но неужели-же священникъ Петровъ такъ-таки ничего не знаетъ въ христіанствѣ? Скажемъ ему въ оправданіе: не одинъ — онъ. Много лѣтъ назадъ я прочелъ необыкновенно увлекшую меня книжку: „Катакомбы“ Евгеніи Туръ. И вотъ, я помню въ этихъ „Катакомбахъ“ разговоръ знатной, изнѣженной и жестокой римлянки съ ея невольницею, тайной христіанкой, которая почти „для примѣра“ набрасываетъ ей очерки евангельскаго ученія Римлянка причинила рабынѣ какую-то боль, кажется, бросила въ нее ножемъ и ранила, а та не разсердилась. Римлянка спрашиваетъ, почему она не разсердилась? — „Потому что я вѣрую въ Іисуса“.—„Чему-же училъ Онъ?“ — „Любить враговъ своихъ“. — „Любить враговъ“.., и римлянка задумалась.—Да, это есть истинно новое и непонятное; любить друзей—

да; любить родителей — да; любить безразличныхъ, незнакомыхъ — ну, такъ и этакъ; но враговъ любить — непонятно, невозможно, неслыханно". Новизна и высота ученія поразила и привлекла ее. Она стала христіанкою, перейдя въ полноту любви изъ мелкой языческой любви, въ высоту вѣры изъ несовершенной вѣры, въ сверхъестественную религію изъ естественной. Ставимъ точку. Ошибалась ли Евг. Туръ, рисуя себѣ такъ въ перспективѣ переломъ отъ язычества къ христіанству? Если и ошибалась, то мы всѣ съ нею ошибаемся. Мы всѣ такъ думаемъ, и намъ, какъ и свящ. Петрову, всѣмъ представляется христіанство именно, какъ высшая любовь, „свѣтъ и радость", не иначе. Свящ. Петровъ привычною рукою начерталъ привычный образъ; его книжка получаетъ огромный успѣхъ; мѣстами, въ повременныхъ изданіяхъ, она почти цѣликомъ перепечатывается, потому что онъ, съ нимъ, за него — всѣ. Мы такъ думали 1900 лѣтъ; мы... „докторишки". — „Прощайте, звѣзды, прощай — земля; прощайте стихіи небесныя и земныя; отрекись отъ сатаны". — Ужъ если „жало сатаны" и „родительство" — одно и тоже, то какой-же свѣтъ? любовь? радость? — „О, хоть-бы умереть!"

Кто-же ошибается? Не ошибаются покойники. Есть мнѣніе, что „никто не приходилъ съ того свѣта и не приносилъ намъ по-ту-свѣтной истины". Нѣтъ — есть вѣстники, есть по-ту-свѣтныя вѣсти. Развѣ мощи не говорятъ? По крайней мѣрѣ — нѣчто, и именно ровно столько, сколько намъ нужно узнать. Они почили и благоухаютъ. Они святы и творятъ чудеса. Вотъ, ужъ кому не причастно „жало сатаны" и выйдя изъ круга рожденій — они стали святы. Есть въ нихъ душа? Этого никто не утверждаетъ. Есть въ нихъ жизнь? Думаютъ это еще менѣе. Что-же въ нихъ есть? Память, останки; никто не сомнѣвается, что есть собственно тѣло, тѣлесные останки безъ всякой рѣшительно душевности, духовности, и вотъ, безжизненные останки — они святы. Такъ вотъ, что значитъ святость — умереть! Да, Туръ очевидно ничего не понимала, какъ впрочемъ и весь міръ, мы всѣ, проф. Петровъ. Умереть — и значитъ достигнуть святости, а что это не эпизодъ, не частность религіи, видно изъ молитвъ надъ умирающимъ и объ умершемъ. Уже взрослымъ я видѣлъ одно соборованіе умирающаго (кстати — оправившагося): я не могъ не плакать, такое это чудо словъ, живопись напѣвовъ. Тянулъ дьячекъ, подтягивалъ священникъ: нельзя было не плакать. Кто изобрѣталъ эти напѣвы? Клянусь, я ни отъ какой музыки не заплачу и ни отъ какого пѣвца, но тутъ какая-то по-ту-свѣтная логика музыки, откровеніе напѣвовъ. Похоронные слова и звуки мы знаемъ-же.

Такъ вотъ суть, выпавшая вовсе изъ памяти свящ. Петрова и Евг. Туръ: Похороны — св. мощи въ музыкѣ, начало мощей, святость и святое воспѣваніе смерти. Подъ такимъ угломъ зрѣнія христіанство есть мистическая пѣснь переходу изъ земнаго житія, всегда и непремѣнно грѣшнаго, въ „вѣчную жизнь" — тамъ. Хорошая религія? Конечно, но не отрицайте-же, что это есть величайшій пессимизмъ и глубочайшее отрицаніе земли и земного, стихій планетныхъ, лунныхъ, солнечныхъ, но въ основѣ всего—родительскихъ, рождающихъ. Передъ мистицизмомъ похоронъ что значитъ: „Исаія—ликуй!" или „жена да боится своего мужа", наиболѣе музыкальныя и выразительныя мѣста вѣнчанія? Вотъ ужъ раціонализмъ, вотъ краткословіе и грубословіе, т.-е. не въ смыслѣ, а въ музыкѣ. Музыкантъ, съ такою дивною прилежностью сложившій напѣвы: „идѣ-же нѣсть печаль и воздыханіе, но жизнь безконечная", отмахнулся отъ брачущихся: „Э — пусть вамъ діаконъ прооретъ: жена да боится своего мужа". Очевидно — религія тамъ, въ могилѣ; здѣсь, гдѣ начинается, гдѣ будетъ черезъ дѣтей и рожде-

ніе, убѣганіе отъ могилы — есть только впаденіе въ грѣхъ, вступленіе въ океанъ—„жала сатанинскаго“. Сатана — жизнь; Богъ — смерть.

Но тогда за что-же мы судимъ приазовскихъ старовѣровъ? Святые — они; мы — ихъ судящіе—грѣшники. Трижды и трижды свящ. Петровъ ничего не понимаетъ въ христіанствѣ, и мы всѣ, Евг. Туръ, никто. Обратимся къ евангелію.—„Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные—и Азъ успокою васъ“. Тогда, съ точки зрѣнія смерти, тутъ есть: „умрите — и вы успокоитесь“. Но вѣдь мы всегда читали эти слова въ томъ смыслѣ, что „облегченіе“ и „успокоеніе“ будетъ дано еще въ этой жизни; и значитъ — просто мы не умѣемъ читать евангеліе, догадываться о настоящемъ смыслѣ словъ Спасителя. Да и дѣйствительно, если обратить вниманіе на судьбу „труждающихся“ и „обремененныхъ“ въ христіанскомъ мірѣ, то вѣдь въ чемъ-же собственно выразилось „успокоеніе“ ихъ? въ исповѣди? Но они не столько были грѣшны, сколько несчастны, задавлены, и дѣйствительно для задавленнности ихъ какое-же, гдѣ и когда находилось въ нашей цивилизаціи „успокоеніе“? Никакого и никогда. Просто нѣтъ для этого средствъ, способовъ, методовъ и, напримѣръ, нѣтъ даже въ церкви.— „Я обремененъ и скорблю“.—„Покаяться хотите“? — „Да нѣтъ, я обремененъ дѣтьми и природой“. — „Богъ подастъ“. Такимъ образомъ, очевидно, „успокоеніе“ значитъ именно смерть, выходъ изъ круга рожденій; но вѣдь, внимая словамъ этимъ, рыдая имъ отвѣтно, „обремененные и труждающіеся“ именно думали, что тутъ—скорбь о нихъ и за нихъ и готовность помочь, сдѣлать, облегчить ихъ сейчасъ, здѣсь, въ семъ видѣ тлѣнномъ, а не то, чтобы „на томъ свѣтѣ“, а пока вотъ— „умереть“. Qui pro quo...

IV.

Тезей условился со своимъ отцомъ, Эгеемъ, что если онъ побѣдитъ на Критѣ Минотавра и останется живъ, то, возвращаясь, вывѣситъ на кораблѣ бѣлый флагъ. Отецъ, уже старецъ, все выходилъ на берегъ моря и смотрѣлъ вдаль. Но на радостяхъ побѣды Тезей забылъ сдѣлать перемѣну, и когда подплывалъ къ берегу Аттики, то старецъ увидѣлъ на знакомомъ государственномъ кораблѣ обычный черный флагъ—трауръ по жертвамъ, отправляемымъ въ лабиринтъ. Съ нами случилось нѣчто обратное. Тамъ было избавленіе — но остался флагъ смерти; мы видимъ, у насъ брезжетъ въ очахъ что-то безконечно счастливое, небесно примиряющее, окончательное, самое свѣтлое, отъ чего духъ занимается: но на самомъ дѣлѣ, это только при первомъ впечатлѣніи, а діагнозъ Захарьиныхъ, углубленіе спеціалистовъ, почва безъ плевелъ и расклевывающихъ зерно птицъ констатируетъ гробъ. Просто — гробъ. Кто-же ошибается? Вѣдь, право, можно закричать, а не только написать: кто ошибается, и почему мы всѣ ничего не знаемъ въ томъ, что намъ важнѣе всего и первѣе всего нужно знать? И что за колпаки, которые учительствовали надъ нами до сихъ поръ! „Любовь“, „примиреніе съ Богомъ“, „снятіе первороднаго грѣха“, „религія, какъ свѣтъ и радость“. Религія есть взглядъ на жизнь, какъ на безконечную непоборимую скорбь и непрерывный неодолимый грѣхъ. Что можетъ быть печальнѣе? — Ничего. — Что такое жизнь? — Плачъ. Плачъ и рыданіе и ничего болѣе. Нужно-ли трудиться? — Да, сколько птицамъ небеснымъ: сегодня сыты, завтра сыты, а послѣзавтра — умремъ. Здѣсь опять „взгляните на птицы небесныя, на лиліи полевыя“ обозначаетъ просто, что вы скоропостижны къ смерти и вотъ умрете, какъ птицы и цвѣты-поденки, такъ что нечего и

„печься на утре“, а не то, чтобы тамъ „попорхать“ и „расцвѣсти“. Ничего подобнаго. Плакучая ива—вотъ подобіе и образецъ для человѣка. Опусти вѣтви свои въ воду и — плачь, плачь...

Но, повторяю, тогда зачѣмъ-же „бѣлый флагъ?“ Можно съ ума сойти отъ недоразумѣнія. Я могу не имѣть совершенной правды въ поступкахъ своихъ, въ отношеніяхъ къ людямъ: но не имѣть совершенной правды въ святая-святыхъ своей души? Это было-бы ужасно!

Но можетъ быть это ошибка вѣковъ и односторонность развитія? Не думаю. Вѣдь и „вѣка“ ошиблись-же почему-нибудь и „преткнулись“ ногою о какой-нибудь дѣйствительно лежавшій на пути ихъ „камень“. Безъ „камня“ не бываетъ „претыканія“. Проходя по заламъ Эрмитажа, въ отдѣлахъ живописи XV—XVI вѣковъ, я былъ пораженъ чрезвычайнымъ множествомъ и чрезвычайною красотою картинъ на тему, которую можно было-бы объединить въ названіи: „Младенчество Іисуса Христа“. Вотъ — „Бѣгство въ Египетъ“ и его варіанты; вотъ встрѣча Елизаветы и св. Дѣвы; и „Св. Семейство“ безъ конца, т.-е. въ безконечныхъ повтореніяхъ. Тутъ все такъ чудно: Младенецъ, Мать. Такъ необходимъ этотъ старецъ Іосифъ, о! безконечно необходимъ: вѣдь старость равно-прекрасна и равно-тожественна младенчеству, вѣдь это возвратъ человѣка въ младенчество, но въ младенчество какое-то умудренное. Старецъ—дитя-же, но въ по-ту-стороннемъ обращеніи, какъ дитя есть старецъ въ по-сю-стороннемъ обращеніи. Мнѣ думается, что, умеревъ, мы выпархиваемъ въ „будущую жизнь“ малютками, и признаки старости, бѣлыя сѣдины, уменьшеніе объема тѣла, даже беззубость, суть именно приближеніе къ младенчеству выпархиванія „туда“. Мы „туда“ рождаемся и рожденіе „туда“ есть смерть, для здѣшняго представляющаяся чѣмъ-то въ родѣ мучительно-сокращающейся, болящей и кричащей утробы. Это моя фантазія, не имѣющая никакихъ, впрочемъ, основаній. Бросимъ ее, и обратимся къ живописи въ Эрмитажѣ. Какъ хороши эти „Волхвы съ Востока“: они необходимы, какъ и Іосифъ, ибо Востокъ вѣчно и весь ожидалъ Спасителя. „Звѣзда“, ведущая ихъ, мѣстами перенесенная на чело Богоматери или въ „корону“ ея. Но вѣдь что-же такое все это, какъ не могучая иллюзія „ивы“, которая хочетъ поднять плачущія вѣтви отъ воды, и на два вѣка, XV и XVI, сумѣла это сдѣлать. Гдѣ эти живописцы прочли о „коронѣ“? Увы, они такъ мало „читали“, что Спаситель (что, кажется, никѣмъ еще не замѣчено) вездѣ представленъ на этихъ картинахъ не обрѣзаннымъ, т.-е. они просто не вспомнили, забыли, у нихъ выпалъ изъ памяти праздникъ „обрѣзанія Господня“, седьмой день послѣ Рождества Христова. Что-же эти бѣдные рисовали? Просто—материнство и младенчество, но окоронованное, въ звѣздахъ, въ прославленіи „волхвовъ восточныхъ“, силъ небесныхъ, поющихъ чудными гласами, и опять столь необходимыхъ пастуховъ и ихъ стадъ, т.-е., въ сущности, въ окруженіи тѣхъ „стихій небесныхъ и земныхъ“, отъ которыхъ отрекаются наши сектанты. Художники Renaissance'а не вспомнили объ „обрѣзаніи Господнемъ“, а сектантъ—все помнитъ, онъ—безконечно внимателенъ. Въ смыслѣ „начитанности въ книгахъ“ ужъ конечно это онъ—Захарьинъ, а тѣ живописцы были такъ-себѣ, жалкіе дилетанты. Знаете-ли вы, что буря Лютера и особенно Кальвина, такъ замявшая и изорвавшая „паруса“ Renaissance'а, была, въ сущности, чуть-чуть скопческая-же, т.-е. по сути-то своей, по главной-то своей основѣ, „Простите стихіи земныя“, или что то-же: Dies irae, dies illa—veniet. Нужно читать подробности біографіи Лютера, чтобы видѣть, до чего, подобно нашимъ „ищущимъ пу-

ти спасенія“ сектантамъ, онъ исхудалъ, истомился, былъ на краю отчаянія, и его вывелъ на путь „вѣры“, „въ вѣру“, безъ „добрыхъ дѣлъ“—просто разговоръ съ престарѣлымъ Августинскимъ монахомъ.—„Да что ты мучишься, Мартинъ! Ну, наши подвиги ничтожны, грѣхи—не искупимы: но кровь-то, кровь-то Спасителя, вѣдь ея одной капли достаточно, чтобы очистить отъ грѣха міры“. И Мартинъ воскресъ: онъ уперся лбомъ или, точнѣе, подобно ласточкѣ въ душной комнатѣ, онъ вырвался въ форточку этихъ удачно сказанныхъ, но совершенно случайныхъ словъ, и полетѣлъ въ безконечность. Но мы не пишемъ его исторіи, а указываемъ простой фактъ, что едва этотъ реформаторъ сталъ прилежнѣе читать „книги“, какъ смелъ всѣ эти „святыя семейства“, и „бѣгства Іосифа и Маріи въ Египетъ“, и „Святыя ночи“ Корреджіо въ сторону, какъ красочную мазню, которая никакого отношенія къ „спасенію души“ не имѣетъ. Между тѣмъ, если мы войдемъ къ самому благочестивому человѣку, ну—войдемъ къ столь любящему живопись С. А. Рачинскому въ кабинетъ—онъ покажетъ намъ чудные снимки съ картинъ Рафаэля, Корреджіо, Леонардо, Мурильо, всѣхъ ихъ занося въ „хоръ пѣвчихъ святой церкви“, всѣхъ ихъ объясняя въ силѣ и красотѣ изъ „религіознаго вдохновенія“, и вотъ, судя по сюжетамъ, очевидно, именно изъ вдохновенія христіанствомъ. Опять—бѣлый флагъ и черный гробъ: ибо кто-же „вдохновлялся христіанствомъ“, художники-ли эти по нашему сейчасъ воззрѣнію, или Кальвинъ, Лютеръ и Савонаролла, считавшіе всю эту живопись „жаломъ сатанинскимъ“, „обольщеніемъ діавола“ совершенно аналогично скопцамъ, возгласившимъ борьбу противъ „лѣпоты міра“, т.-е. противъ красоты, изящества, противъ праздничныхъ одеждъ міра. Рачинскій былъ-бы чрезвычайно пораженъ мыслью, что онъ совершенно не понимаетъ христіанства, но, что дѣлать—такъ Ѳ. И. Буслаевъ намъ читалъ въ Московскомъ университетѣ о старой русской словесности, и параллельно, какъ ея разъясненіе—о византійской живописи. Изъ словъ его точно помню указаніе, что между прилѣпленностью человѣческаго воображенія къ Божіей Матери и къ Іисусу Христу всегда шла борьба, и именно въ томъ смыслѣ, что человѣкъ искалъ утѣшенія, облегченія, хоть какого-нибудь свѣта въ Божіей Матери. Кстати, не отсюда-ли столь любимыя у насъ наименованія иконъ: „Скорбящая“, „всѣхъ скорбящихъ—Радости“ и проч., тоже „Заступница“. Буслаевъ прямо указывалъ, что въ Божіей Матери человѣкъ искалъ защиты, своего рода историческаго „заступи и помилуй“, отъ всегда пугавшаго строгостью и суровостью Лика Спаса. И вотъ, — договаривалъ намъ профессоръ, — въ наиболѣе строгія эпохи исторіи Ликъ Божіей Матери отступалъ, а на первое мѣсто почти испуганнаго воображенія выступалъ Іисусъ Христосъ, и тутъ-то онъ и говорилъ о его византійскихъ изображеніяхъ. Всѣ знаютъ, что немного лѣтъ назадъ картину Ге, изображавшую „неблагообразно“ распятіе Спасителя, запретили показывать въ Петербургѣ, но многіе-ли знаютъ, что въ строжайшія византійскія эпохи было именно запрещено, какъ безстыдство, изображать Іисуса Христа благообразнымъ, и Онъ рисовался трупнымъ, опухшимъ, искровавленнымъ, иногда посинѣвшимъ и непремѣнно, непремѣнно безобразнымъ. Такъ намъ читалъ Буслаевъ. Теперь я съ этимъ прямо соединяю чтеніе „Двѣнадцати Евангелій“ въ Великій четвертокъ: вотъ—торжество и мысль христіанства. Выслушавъ эти „Двѣнадцать евангелій“, не пойдешь въ Эрмитажъ. Просто—не захочешь, самъ не захочешь. Правъ Лютеръ; не правы мы. Правы Ге и Византинисты, и вовсе, вовсе не правы Рафаэль и Корреджіо. Чтобы рѣшить споръ, кто правъ, и въ свѣтѣ-ли и сіяніи мы или въ темнотѣ и плачѣ, то-есть, рѣшить въ

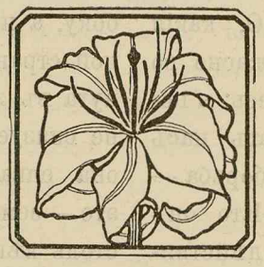
сущности тысячелѣтній споръ и всеобщее недоумѣніе, мнѣ приходила такая мысль. Взять безконечный листъ бумаги, въ родѣ той ленты, на которой отпечатывается 50,000 экземпляровъ газетнаго листа. Но пусть бумага эта будетъ разлинована въ мельчайшіе квадратики, каждый въ букву величиною. На эту ленту наносимъ Евангеліе по буквѣ въ квадратикѣ. Теперь, обведя красною чертою событія опредѣленнаго цикла, мы получимъ такъ сказать относительность темныхъ и свѣтлыхъ мѣстъ, плачущихъ и радующихся. Едва мы это сдѣлаемъ, какъ почувствуемъ, до чего безосновательно было Renaissance, и вѣрно—византійство, Лютеръ и наконецъ, будто-бы „фанатизмъ“ и „темнота“ нашихъ сектантовъ разныхъ наименованій. Конечно, никакого „культа Мадонны“ не существуетъ въ Евангеліи, т.-е. онъ существуетъ только въ человѣческомъ воображеніи и родился изъ человѣческаго воображенія; и вообще „богородичность“, „богородичная“ сторона христіанства—одинъ штрихъ, страница, десять минутъ чтенія, а „страсти Господни“—это долгое, долгое „стояніе“... Помните-ли вы у Каіафы? у первосвященника Анны? передъ Пилатомъ? Какія томленія! Шипы, терна, удары тростью. Отреченіе Петра, сонъ учениковъ, этотъ ужасный сонъ въ такой роковой часъ „прощальный“. Предательство Іуды. И наконецъ—„разодралась завѣса храма и потряслась земля“. Ужасно. Ужасно во впечатлѣніи. О, какія тутъ „Мадонны“. Христіанство — ужасно во впечатлѣніи, рыдательно.—„Крѣпитесь: я побѣдилъ міръ“. Какая-то ужасная, отъ насъ скрытая (въ сущности, въ смыслѣ) борьба.—„Нынѣ — судъ Князю міра сего“. Кто онъ сей „Князь?“ Темно. Все темно, хотя дѣйствительно черезъ „младенца“ побѣждается смерть, и колыбелью отметается гробъ, а мы уже видѣли, и таково заключеніе компетентнѣйшихъ судей, что онъ есть существенный грузъ нашего корабля и существенный смыслъ нашего историческаго плаванія. „Побѣждено-ли“ рожденіе, его инстинкты и сила, словомъ—весь кругъ вхожденія человѣка въ міръ? Кажется, или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть, и тогда хоть сколько-нибудь станетъ ясна безпросвѣтная тайна „смерти Бога“, „гроба Господня“.— Господь—въ гробу! Какая ужасная тайна! Господь смотритъ на человѣка изъ гроба! Какая тайна, какъ безчувственъ читатель, если онъ не содрагается. Какъ постижимы тогда „св. мощи“, которыя вѣдь всѣ „во слѣдъ Господу“ благоухаютъ изъ гроба и манятъ насъ къ гробу-же. Вотъ, гдѣ родникъ аскетизма, вотъ, гдѣ истинный его родникъ, а не въ словахъ: „лучше не жениться“; родникъ—въ этой огромно раздвинутой, разрисованной, убранной концепціи „страстей Господнихъ“. Ибо можетъ-ли притти на мысль хоть что-нибудь изъ „женитьбы“ у „женящагося“ человѣка, выстоявшаго „12 евангелій“ въ Великій четвергъ, или у простоявшаго часъ у мощей св. Ѳеодосія въ Кіевѣ? Ничего подобнаго! „Господь въ гробу“ — какая-же мысль о бракѣ?! И вотъ, гдѣ не только родникъ аскетизма, но и въ сущности какого-то искусственнаго положенія брака въ христіанствѣ, которое всѣ чувствуютъ, начинаютъ чувствовать. Какой тутъ „бракъ“ сквозь рыданія, цвѣты по трауру, это розы на плакучей ивѣ. Конечно, это—прибавка, примѣчаніе подъ страницею, приписка съ боку, а не текстъ сплошь читаемой и связной страницы. Романтическая страница, минута въ жизни Ромео и Юліи—просто здѣсь не связуема и не вписуема; даже въ чтеніи она едва выслушивается: и между тѣмъ это — земля, начало земного, устой бытія, столь вѣковѣчный, какъ и гробъ, т.-е. это, если угодно, вторая религія или, пожалуй, еще религія, но только не христіанская. Религія Отчей Ипостаси, мірового родительства, сколько мы постигаемъ, сколько можемъ постигнуть очень бѣднымъ своимъ умомъ. Рели-

гія—сюда войти, ниспасть на землю; религія—отсюда выйти, вознестись на небо. „Земля есть подножіе Твое“, поется въ одномъ псалмѣ; вотъ сюда, на это „подножіе“ мы всѣ падаемъ въ сущности изъ Отчей Ипостаси, по точному представленію всѣхъ людей „мы рождаемся — отъ Бога“, или, какъ Филаретъ отвѣчалъ Пушкину:

Жизнь — отъ Бога намъ дана.

Отсюда, изъ этихъ представленій, и терминъ псалма „Земля есть подножіе Божіе, а небеса — Престолъ его“. Но совершенно внѣ этой орбиты лежитъ смыслъ христіанства, обнимающаго только одну вторую половину или вторую трансцедентную истину нашего бытія — приближеніе къ гробу и черезъ гробъ — вознесеніе въ небеса. „Мы воскреснемъ послѣ смерти и даже смерть есть способъ воскресенія отъ земли въ небо“ (какое-то мистическое, а не астрономическое, конечно)—вотъ и все христіанство, отъ точки до точки.

Въ этомъ смыслѣ „плакучая ива“ нашего бытія не безконечно печальна, но безконечно печально, что мы на ней упорно, какъ Лютеръ, сосредоточены; есть розы, есть Renaissance; есть Божіи на землѣ розы и Renaissance былъ божественнымъ явленіемъ, даже Божіимъ Откровеніемъ, но лишь не въ орбитѣ Второй, но Первой Ипостаси. Но какъ проникновенно оказывается ученіе о „лицахъ“ Божества, коему насъ научили Вселенскіе соборы, и котораго, судя по записаннымъ Эккерманомъ „Разговорамъ“, не понималъ и рѣшительно отрицалъ даже Гете. „Никогда три не будутъ одно“. Между тѣмъ до такой степени очевидно, что, напримѣръ, семья, бракъ, все историческое Renaissance просто не умѣщаются „въ томъ-же лицѣ“, какъ и гробъ, смерть: и между тѣмъ это все было, все есть, и есть какъ вѣчный и святой фактъ.

Радость свящ. Петрова и вообще оптимистовъ тогда основательна и только не туда адресована; какъ и бѣлый флагъ нашего корабля истиненъ-же, но только не при томъ и не туда направленіи корабля. Въ Апокалипсисѣ обѣщаны всѣмъ, безъ исключенія, всѣмъ людямъ зеленыя пальмы и „убѣленныя одежды“ и наконецъ обѣщано-же „Древо Жизни“. Вотъ истинный путь историческаго корабля, и нѣкоторое примиреніе нашихъ скорбей и радостей.

В. Розановъ.